

3.1.5. Разрыв с Китаем

С самого начала советское руководство во главе с Хрущевым многое сделало для того, чтобы укрепить и расширить дружеские, союзнические отношения с Китайской Народной Республикой, строить их на равноправной основе. Были устранены некоторые, как считали китайцы, «несправедливости», допущенные в отношении их при Сталине. После поездки Хрущева в Китай осенью 1954 г. и его бесед с Мао Цзэдуном в советско-китайских отношениях, как говорили в Пекине, наступила новая эпоха, отличавшаяся большой сердечностью, откровенностью, равноправием.

Потом был XX съезд КПСС. Компартия Китая на своем съезде в сентябре 1956 г. официально одобрила и поддержала все принятые там решения. Мало того, из ее устава было удалено положение о том, что она «во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэдуна»{1364}. Но сам Мао был очень недоволен тем, что Хрущев не согласовал с братскими партиями такую акцию, как разоблачение культа личности Сталина. Китайцы говорили, что Сталин принадлежит всему мировому коммунистическому движению, а не только Советскому Союзу. Считали они ошибочной и резкую форму, в которой это было сделано. Понять, что Хрущев, готовивший эту акцию в глубокой тайне, не мог рисковать, китайцы не могли.

Поскольку они не уставали подчеркивать «особые отношения» между Мао и Сталиным, разоблачение последнего их задело. Поэтому его портреты продолжали висеть повсюду, а его труды изучаться и цитироваться. В какой-то мере это делалось для того, чтобы подчеркнуть независимость позиции Пекина относительно Москвы, в том числе и в мировом комдвижении. Придумали и специальную формулу, согласно которой 70% дел Сталина хорошие, а 30% плохие. Эту формулу они потом стали применять и отношении Мао. Защищая Сталина, Мао защищал и себя, свой собственный культ.

Не стали устраивать китайцев и некоторые предложения Хрущева, направленные на укрепление сотрудничества, в том числе стратегического. Они подозревали, что, говоря об «общих интересах», он подразумевает в основном интересы советские. Тем более что определялись они в Москве. К тому же там иногда делались «совместные заявления» без согласования с Пекином. Несовместимыми с суверенитетом Китая, его национальным достоинством, панибратством на международном уровне воспринимались, например, предложение построить мощную советскую радиостанцию на территории КНР или посылка туда специалистов без запрашивания въездных виз, просто с командировочными удостоверениями.

– Получается, что мы вроде как еще одна советская республика, – говорили китайцы{1365}.

Но и Мао Цзэдун допускал высказывания, которые ставили кремлевских руководителей в неудобное положение. Так, на международном совещании представителей компартий в Москве осенью 1957 г. он говорил:

– Если вспыхнет война, в крайнем случае погибнет половина человечества, а еще одна половина останется. Зато империализм будет стерт с лица земли, и весь мир социализируется{1366}.

Кризис на Ближнем Востоке, разразившийся летом 1958 г., заставил Хрущева взять с собой министра обороны Малиновского и 31 июля прилететь в Пекин, где до 3 августа происходили его встречи с председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном, премьером Госсовета Чжоу Эньлаем, министром обороны Пын Дэхуаем и министром иностранных дел Чень И.

Примерно в это время уже появились первые трещины в советско-китайских отношениях, и Хрущева это очень беспокоило, поэтому свою поездку в Пекин он использовал и для того, чтобы преодолеть некоторые разногласия, возникшие между двумя странами{1367}. Мао Цзэдун, рассуждая о возможности и перспективах открытого вооруженного столкновения с империалистами, говорил, что бояться этого не следует, поскольку Китай и СССР могут выставить намного больше дивизий, чем США и их союзники. При этом он позволял себе критически подходить к советскому опыту в Великой Отечественной войне, утверждая, что Сталин воевал против Гитлера неумело:

– Надо было, не проливая крови, отойти за Урал и ждать, пока Англия и Америка не разгромят Германию.

Скептически относился он и к способности современной Америки вести глобальную атомную войну, называя ее «бумажным тигром». Хрущев с этим согласиться не мог, принимался излагать свои взгляды, но быстро выходил из себя, горячился, доставляя тем самым «кормчему» великое наслаждение{1368}.

Речь зашла и о развернувшейся в предыдущем году в Китае кампании «Пусть расцветают все цветы! Пусть соперничают все ученые!». В ходе ее распространялись измышления о положении в СССР, высказывались претензии на советские территории и даже вывешивались плакаты «Надо свести счеты с СССР!». Мао не отрицал всего этого, но объяснял:

– Мы разрешили эту кампанию для того, чтобы увидеть, где ароматные цветы, а где ядовитые, а затем скосить ядовитые{1369}.

Как было объявлено, стороны «в исключительной сердечности и теплоте обсудили и констатировали полное единство взглядов по актуальным и важным проблемам». К ним относились отношения между СССР и КНР, а также совместная борьба «за мирное разрешение международных проблем и защиты мира во всем мире». В результате «всестороннего обмена мнениями по ряду важнейших вопросов, встающих перед обеими сторонами в Европе и Азии в связи с современной международной обстановкой», была «достигнута полная договоренность

относительно мероприятий, которые должны быть предприняты для борьбы против агрессии и для сохранения мира»{1370}. Ни о каких подробностях этих мероприятий не сообщалось. Но суть их вскоре стала ясна.

23 августа артиллерия Народно-освободительной армии Китая обстреляла и повредила чанкайшистский корабль в районе прибрежного острова Цзиньмын. На следующий день попытка пройти к этому острову другого чанкайшистского военного корабля («Чжунцзыхуо») сопровождалась уже артиллерийской перестрелкой с той и другой стороны. Атакованный торпедными катерами «Чжунцзыхуо» вынужден был вернуться в море, а поврежденный накануне корабль был ими потоплен{1371}. 25 августа 8 чанкайшистских реактивных самолетов бомбардировали артиллерийские позиции НОАК на островах Вэйтоу и Чжанчжоу, в воздушном бою один из них был сбит{1372}. Так началось вооруженное противостояние в Тайваньском проливе, у прилегающего к провинции Фуцзянь архипелага Пэнхулидао. 7-й (Тихоокеанский) флот США был приведен в боевую готовность{1373}. На его усиление был направлен авианосец «Эссекс» с 80 самолетами из Средиземного моря{1374}.

6 сентября Чжоу Эньлай заявил, что «никакая военная провокация США ни в коем случае не запугает китайский народ», а лишь «укрепит его решимость еще упорнее бороться до конца против американских агрессоров»{1375}. В своем послании Эйзенхауэру от 7 сентября Хрущев предупредил, что нападение на КНР означает нападение на Советский Союз{1376}. Для согласования этого послания с китайцами в Пекин инкогнито (то есть без объявления об этом в СМИ) летал министр иностранных дел А.А. Громыко. Общая тональность заявлений Мао Цзэдуна была такова, что уступок американцам делать не следует и надо действовать по принципу «острие против острия».

Правда, он признавал, что «США могут пойти на авантюру» и развязать войну против КНР:

– Китай должен считаться и считается с такою возможностью. Но капитулировать он не намерен! Если США и применят даже ядерное оружие, китайские армии станут отступать в глубь страны. И Советскому Союзу нет надобности давать американцам отпор на этой стадии. Лишь затем, когда американские армии окажутся в центральной части Китая, СССР сможет накрыть их всеми своими средствами{1377}.

Из рассуждений Мао можно было сделать вывод, что он и не ставит задачу освободить прибрежные острова от гоминдановцев, а хочет лишь продемонстрировать, что не забыл о них и освободит, когда пожелает.

– Если американцы нанесут ядерный удар, мы отойдем снова в пещеры Яньяня и будем продолжать борьбу, которая в конечном счете закончится поражением империализма и победой социализма. А так как вся суша окажется зараженной радиоактивными осадками, столицу нового мира придется строить в центре Тихого океана, насыпав там большой остров.

– Что это за фантазия? – тихо спросил пораженный Громыко своего переводчика М.С. Капицу.

И услышал в ответ:

– Это – Мао Цзэдун в своей стихии. Не надо воспринимать подобное всерьез{1378}.

Громыко был крайне удивлен не только «оригинальностью», но и «легкостью», с какой рисовалась будущая третья мировая война. И в соответствующей форме дал понять, что изложенный сценарий не может встретить положительного отношения у советского руководства.

– Я могу это сказать определенно{1379}.

Однако Мао вовсе не шутил. Как стало известно уже после его смерти, им всерьез допускалась возможность развязывания новой мировой войны. Своему личному врачу он доверительно говорил:

– Чан Кайши хочет, чтобы США применили ядерную бомбу против нас. Пусть применяют. Посмотрим, что тогда скажет Хрущев{1380}.

Всем этим заявлениям предшествовало расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, на котором было решено призвать китайский народ уже в этом году удвоить выплавку стали. По всей стране, во всех провинциях и уездах начали воздвигать тысячи чугуноплавильных и железоделательных печей кустарного типа. «Большой скачок» сопровождался критикой

советского опыта. Был выдвинут лозунг «Несколько лет упорного труда – 10 000 лет счастья!» И Мао Цзэдун, и Лю Шаоци, и Дэн Сяопин верили тогда, что за какие-нибудь три года смогут превратить свою страну в коммунистическое общество. Некоторые китайские руководители не без злорадства говорили:

– СССР топчется на месте, а мы вырываемся вперед и придем к коммунизму раньше{1381}.

Тогда же стали критиковать советских специалистов, работавших в КНР, за «консерватизм, техническую отсталость и ретроградство». Критика эта не носила массового характера и не отличалась жесткостью. Порой это была и не критика, а недопонимание вследствие языкового барьера. Но информация о том, что «китайцы придираются», в Москву шла.

Весной 1959 г., после восстания в Тибете и бегстве далай-ламы в Индию, серьезно ухудшились отношения КНР с этой страной. Мао стал всячески поносить Неру. По его словам, это был «двурушник», «наполовину человек – наполовину черт, наполовину джентльмен – наполовину хулиган»{1382}. 28 августа 1959 г. дело дошло до вооруженного столкновения на границе в Гималаях. Хрущев кипятился, его возмущал этот конфликт{1383}.

Из Москвы в Пекин было направлено письмо с выражением «озабоченности». А чтобы «дать мировому общественному мнению правильное представление» о советской позиции и содействовать мирному урегулированию возникшего конфликта, опубликовано заявление ТАСС с выражением озабоченности по поводу инцидента и выражением уверенности в том, что правительства КНР и Индии «не допустят, чтобы на этом инциденте грели руки те силы, которые хотят не смягчения международной обстановки, а ее обострения», и что оба эти правительства «урегулируют возникшее недоразумение». Заявление это не удовлетворило ни одну из сторон. Индийцы нашли, что СССР не хочет нажать на своего союзника. Китайцы же обиделись. По их мнению, это заявление «показало всему миру неодинаковые позиции Китая и Советского Союза, чему буквально радуются и ликуют индийская буржуазия и англо-американский империализм». Они расценили этот шаг Москвы как политику «приспособленчества и уступок», которая может лишь способствовать «неистовству Неру»{1384}. Поэтому в советском руководстве решили использовать поездку партийно-правительственной делегации на празднование 10-летия КНР для того, чтобы обсудить все эти вопросы.

Хрущев прилетел в Пекин 30 сентября. Его встречали председатель ЦК КПК Мао Цзэдун и с недавних пор председатель КНР Лю Шаоци. В отличие от того, что было пять лет назад, не было объятий и лобзаний, которые считались незыблемым атрибутом коммунистического братства, но как мерзость воспринимались китайцами{1385}. Уже на аэродроме Хрущев заявил:

– Поездка в США и состоявшиеся там беседы были полезными. Они бесспорно должны привести к улучшению отношений между нашими странами и ослаблению международной напряженности. Надо все сделать для того, чтобы действительно расчистить атмосферу и создать условия для дружбы между народами{1386}.

И в тот же день, на торжественном приеме в честь 10-летия КНР он снова обращал внимание своих хозяев на следующее:

– Когда я беседовал с президентом Эйзенхауэром, то у меня сложилось впечатление, что президент США, а его немало людей поддерживают, понимает необходимость смягчения международной напряженности.

А следующие его слова, произнесенные в контексте единства и могущества социалистического лагеря, имеющего такого союзника как национально-освободительное движение, можно было рассматривать и как своего рода полемику с воинственными призывами китайцев:

– Это, конечно, вовсе не значит, что если мы так сильны, то должны силой попробовать устойчивость капиталистической системы. Это было бы неправильно. Народы не поняли бы и никогда не поддержали тех, кто вздумал бы действовать таким образом{1387}.

Утром 1 октября, перед военным парадом и демонстрацией, имела место «сердечная беседа» Хрущева и Мао Цзэдуна{1388}. Она состоялась в резиденции последнего в Чжуннаньхае. Хрущев говорил о важности дружбы и сотрудничества между СССР и КНР,

подчеркнув ответственность двух держав за обеспечение мира и предотвращение опасности ядерного столкновения. Мао согласился с наличием такой опасности и заметил:

– Именно поэтому Китаю нужно иметь ядерное оружие, но у нас его нет.

– СССР его имеет и готов защищать Китай как самого себя, – ответил Хрущев.

– Китай – великая суверенная страна, и ему самому надо обладать ядерными средствами, чтобы защитить себя в случае войны, – стоял на своем Мао. – Если СССР не склонен поделиться ядерным оружием, то пусть поможет технологией.

– Но производство ядерной бомбы обойдется вам чрезвычайно дорого и займет много времени, – продолжал разубеждать его советский лидер.

– Что ж, справимся собственными силами с американским бумажным тигром, – самоуверенно среагировал Мао.

Далее зашел разговор о культе личности Сталина. Мао высказал мнение, что решение XX съезда КПСС по этому вопросу вряд ли было обосновано в полной мере:

– Вы вправе решать ваши внутренние проблемы, но Сталин был вождем мирового революционного движения, в том числе – китайского. Такие проблемы следует решать не в одностороннем порядке, а совместно.

Хрущев оправдывался и при этом все более горячился. Мао же продолжал гнуть свою линию:

– Осуждение Сталина было поспешным и субъективным. Оно крайне осложнило обстановку в мировом коммунистическом движении и крайне затруднило отношения между нашими двумя партиями{1389}.

2 октября состоялось еще одна беседа{1390}. Хрущев информировал о своей поездке в США и встречах с Эйзенхауэром. Он подчеркнул, что среди американских политических деятелей ширятся настроения в пользу мирного урегулирования нерешенных спорных вопросов и что в настоящее время создаются вполне реальные возможности для дальнейших решительных шагов по пути укрепления мира. При этом он обратил внимание на необходимость избегать всего того, что может быть использовано реакционерами для того, чтобы снова вогнать мир в колею «холодной войны»{1391}.

– Мы не совсем понимаем вашу внешнюю политику, в особенности в отношении к Индии и по вопросу о Тайване, – сказал он. – Мы стоим на позиции мирного разрешения спорных вопросов. Справедливые требования КНР в вопросе о Тайване нам ясны. И мы их поддерживаем. Но мы не можем согласиться с тем, чтобы из-за Тайваня разгорелась мировая война{1392}.

В связи с этим советской стороной было высказано пожелание лучше информировать друг друга по важнейшим вопросам внешней политики.

– Нельзя считать нормальным такое положение, когда мы, союзники Китая, не знаем, что китайские товарищи предпримут завтра в области внешней политики. Ведь страны социалистического лагеря связаны между собой не только общностью идей и целей, но и союзническими обязательствами{1393}.

Хозяева «болезненно» реагировали на эти замечания. Временами беседа принимала довольно острый характер. Дело дошло до того, что министр иностранных дел Чень И заявил:

– Ваша линия по отношению к Неру является приспособленческой!{1394} Ведь он – агент империализма{1395}.

Понятно, что этот выпад не остался без ответа. Хрущев возразил:

– У нас другое мнение. Неру – самый прогрессивный индийский политический деятель вне компартии. Он проводит нейтральную политику на международной арене. Индия в отличие от Пакистана не подписала никаких военных договоров с США. Если бы Неру ушел, то будьте уверены, к власти пришли бы реакционные, проамериканские силы. Поэтому зачем отталкивать Неру, ослаблять его позиции?

– Раз КНР и СССР социалистические страны, то вы должны были выступить на нашей стороне в конфликте с несоциалистическим государством, – повышая голос, твердил Чень И.

– Китай и Индия спорят из-за территорий, расположенных высоко в горах и с редким населением, – не соглашался с ним Хрущев. – Разве из-за таких пустынных гор можно проливать кровь?

И стал рассказывать, как Советский Союз урегулировал территориальные проблемы с Турцией и Ираном.

– Вы рассуждаете неверно, – не соглашался с ним Чень И. – Китаю нужны эти районы. Они были захвачены у нас, когда Индия была колонией. Мы будем бороться за них до конца{1396}.

«Нервозно и обидчиво» воспринимали китайцы и другие критические замечания. В свою очередь Хрущев как издевательские воспринял замечания Чень И по поводу сделанных им в США заявлений о мирном сосуществовании, ответив на них грубостью, не подбирая слов{1397}. Как он потом объяснял на пленуме ЦК КПСС, китайскому гладиатору дали «самую решительную отповедь»{1398}.

А когда люди ругаются, они невольно теряют контроль над собой и порой начинают говорить самое сокровенное. В результате у Хрущева стал возникать вопрос, как Мао понимает мирное сосуществование, и вообще, считает ли он необходимым бороться за предотвращение войны, не склонен ли он рассматривать мирное сосуществование как временный тактический маневр? «Китайцы, – делился позже Суслов своими и, главное, Хрущева впечатлениями, – видимо, считают, что, поскольку силы мира и социализма превосходят силы войны, а в ближайшие 15-20 лет это превосходство станет решающим, необходимо лобовое наступление против капитализма путем прямого давления на него всеми средствами». А хозяева усиливали у гостей подобные впечатления, неоднократно и уверенно заявляя:

– США и другие империалистические страны не готовы в на-стоящее время к большой войне, и социалистическому лагерю это не-обходимо использовать{1399}.

На лице у Мао Цзэдуна появилась маска. По воспоминаниям Громыко, «он просидел весь обед рядом со своим главным гостем – Хрущевым, сказав не более десятка протокольных слов. Мои усилия и в какой-то степени усилия... Чень И положения не исправили»{1400}.

Несмотря на то, что беседа временами была «не совсем приятной», стороны нашли ее «необходимой и весьма полезной». Мало того, в конце беседы Мао посчитал необходимым заявить Хрущеву:

– Войны мы не хотим и будем мирными средствами решать Тайваньский вопрос, а конфликт с Индией урегулируем путем переговоров.

И заверил его:

– У КПК общая линия с КПСС и общие цели. Хрущев согласился:

– Наша дружба не должна омрачаться отдельными расхождениями по конкретным вопросам{1401}.

4 октября 1959 г. советская партийно-правительственная делегация вылетела из Пекина на родину. Проводы ее, по воспоминаниям М.С. Капицы, были еще более холодными, чем встреча. Мао Цзэ-дун и Хрущев пожали друг другу руки и расстались. На небосклоне советско-китайских отношений сгустились тучи{1402}.

Прощаясь с китайцами, Хрущев напомнил им:

– Мы, коммунисты Советского Союза, считаем священным долгом, своей первостепенной задачей использовать эти благоприятные условия, использовать любую возможность для того, чтобы ликвидировать «холодную войну», обеспечить торжество дела мира на земле{1403}.

Их мнение по этому поводу оставалось иным.

15 октября Президиум ЦК КПСС, заслушав информацию о поездке в Пекин, признал необходимым, чтобы Хрущев более подробно изложил все это на пленуме ЦК. Необходимые материалы для доклада поручено было подготовить Суслову, Куусинену, Фурцевой, Андропову и Громыко{1404}. В последний момент, 14 декабря, доклад о поездке перепоручили сделать М.А. Суслову{1405}.

Доклад этот пленум ЦК КПСС заслушал в последний день своей работы, 26 декабря 1959 г. В прессе о нем ничего не сообщалось.

– Пленум должен знать не только положительные стороны этих взаимоотношений, но и некоторые трудности, которые необходимо ясно видеть, чтобы успешно преодолевать их, – говорилось в докладе М.А. Суслова{1406}.

Эти трудности появились после того, как «в руководстве Китайской компартии в последнее время появились тенденции переоценки своих успехов и возможностей», тенденции,

наиболее выпукло проявившиеся в курсе на осуществление «большого скачка», в опоре на «голый энтузиазм масс», в упоре на развитие «малой металлургии» и в движении за создание «народных коммун». Элементы «зазнайства и нервозности» стали проявляться и во внешней политике КНР. Опасность увеличивается и оттого, что у китайцев появились подражатели в странах народной демократии (имелась в виду Албания). Даже в Советском Союзе на местах кое-кто, «не разобравшись в чем дело, пытался пропагандировать и проводить в жизнь подобные новшества»{1407}.

– Отдавая должное всему лучшему, что имеют в своем идейно-политическом арсенале китайские коммунисты, мы должны откровенно высказывать им свое мнение по наиболее важным вопросам, затрагивающим наши общие интересы, где наши взгляды не совпадают, – объяснял Суслов, не забывая напоминать о необходимости охранять и оберегать советско-китайскую дружбу, «не дать возможности врагам вбить клин в отношения между Китаем и Советским Союзом»{1408}.

Но «оберегать и охранять» не получилось. В апреле 1960 г. в китайской печати появились статьи со ссылками на утверждение Ленина (отмечался его 90-летний юбилей) о том, что XX век – это эпоха империализма, войн и революций, – утверждение, преданное забвению советской пропагандой. Но мало этого, в этих статьях содержались положения, подвергавшие сомнению выводы XX съезда КПСС о возможности предотвращения войны в современную эпоху и о возможности мирного перехода к социализму. Затем все эти статьи были изданы в сборнике под названием «Да здравствует ленинизм!». Там среди прочего содержалось утверждение о том, что «победившие народы крайне быстрыми темпами создадут на развалинах погибшего империализма в тысячу раз более высокую цивилизацию, чем при капиталистическом строе, построят свое подлинно прекрасное будущее»{1409}.

В июне на сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов в Пекине эти взгляды излагались китайцами уже открыто. ЦК КПСС выразил недоумение по этому поводу в информационной записке, направленной тогда же китайским руководителям. Одновременно «неправильные взгляды китайских товарищей» были подвергнуты критике представителями от полусотни партий, присутствовавших на 3-м съезде Румынской коммунистической партии в Бухаресте{1410}. Китайская печать отвергла эту критику.

В июле советские власти прекратили распространение в СССР журнала «Дружба», издававшегося на русском языке в Пекине и публиковавшего материалы с изложением его позиции. «Поправить! Отмежеваться! Дать отпор!» – к такой точке зрения все более склонялись в Москве вопреки советам некоторых специалистов не торопиться.

– Они только и хотят, чтобы ввязались в полемику. Надо проявить выдержку, не реагировать на их выступления! – говорил, например, М.С. Капица, цитируя Виктора Гюго: «Сильные и резкие тона говорят о слабости позиции»{1411}.

«Култ (Мао) пошел на култ (Хрущева) – и двум культам не бывать», – так комментировал в июле 1960 г. разгоравшуюся вражду с Китаем критик В.Я. Лакшин{1412}.

Руководство КПК поставило в это время перед ЦК КПСС вопрос об оплате труда тысяч советских специалистов, – офицеров, инженеров и техников, педагогов и рабочих, передававших свой опыт «китайским братьям». Вопрос был деловой, практический, подлежащий выяснению несогласованных моментов и корректировок. Точно такой же вопрос подняли десять лет назад перед Сталиным югославы. И, как и тогда, реакция Москвы оказалась, что называется, неадекватной. Распаленный Хрущев был возмущен самой постановкой вопроса. Он распорядился немедленно отозвать из Китая всех специалистов и советников. По одним сведениям, он принял это решение, ни с кем не посоветовавшись, и потому оно явилось для всех полной неожиданностью{1413}. По другим – все же провел его через Президиум ЦК{1414}. Произошло это летом 1960 г. В закрытой внутрипартийной пропаганде этот шаг объяснялся тем, что их технические рекомендации игнорируются, а им самим навязываются «ошибочные политические взгляды»{1415}.

Никакие доводы и увещания со стороны китайцев не помогли. Все советские люди покинули Китай. На многих стройках и заводах, в лабораториях и конструкторских бюро это буквально вызвало паралич и принесло народному хозяйству страны огромный урон. Как «на редкость непродуманное», нанесшее «огромный долговременный ущерб не только

советско-китайским отношениям, но и всей внешней политике в целом», расценивает этот шаг Хрущева один из ведущих российских востоковедов Л. Делюсин: «Ведь, по сути, речь шла о разрыве экономических отношений между нашими государствами, что, разумеется, не могло не повлиять на весь спектр межгосударственных и межпартийных связей»{1416}. Китайским же руководителям этот шаг Москвы послужил оправданием провалов собственных экономических планов{1417}. Само советское руководство тогда об этом своему народу ничего не сообщало, а когда через три года объем советско-китайской торговли упал в три раза, а поставки советского комплектного оборудования уменьшились в 40 раз, стало утверждать, что произошло это «по инициативе правительства КНР»{1418}.

На этом фоне и состоялись в сентябре 1960 г. переговоры между представителями КПСС и КПК в Москве. Китайцы «упорно не желали прислушаться к мнению братской партии»{1419}.

На совещании представителей 81 компартии, проходившем в ноябре 1960 г. в Москве, Дэн Сяопин заявил, что КПК не устраивает то единство, которое выражается в поддержке внешнеполитических акций КПСС. Китайская делегация повторила свои известные тезисы. Ей подпевала албанская. Но абсолютное большинство отвергло их взгляды и концепции как «ошибочные». И когда выявилась угроза их полной изоляции, китайцы подписали заявление этого совещания{1420}. Но критику свою не прекращали, так же как отказывались сесть за стол переговоров с целью устранить разногласия.

Началось и свертывание экономических отношений. В феврале 1961 г. китайская сторона отказалась от содействия СССР в строительстве 89 предприятий{1421}.

Дискуссия продолжилась на совещании представителей правящих компартий в Бухаресте (1961 г.). Дэн Сяопин защищал там принципиально иную позицию по многим вопросам международной политики, причем делал это, по мнению Громыко, не горячась и с достоинством строя свою аргументацию. «Не во всем можно было тогда согласиться с главой китайской делегации, но Хрущев не нашел убедительных доказательств в защиту своей позиции. Он в какой-то степени давал простор эмоциям»{1422}.

Все больше рупором КПК становилась Албанская партия труда.

В октябре 1961 г., во время XXII съезда КПСС, глава делегации КПК призвал все партии следовать позиции Пекина. Н.С. Хрущев, Ф.Р. Козлов и А.И. Микоян имели беседы с Чжоу Эньлаем, Пын Чженем и другими членами китайской делегации. При этом Хрущев, излагая позицию КПСС, подчеркивал неизменное стремление укреплять дружбу и сотрудничество с КПК{1423}.

Однако китайцы продолжали проходить мимо «товарищеских предостережений». В декабре 1961 г. КНР заявила о полном отказе от импорта комплектного оборудования из СССР{1424}.

Средства массовой информации СССР и КНР сначала исподволь, а потом все более открыто и даже яростно начали критиковать действительные и мнимые ошибки друг друга. Период «великой дружбы» кончился, началась «великая вражда».

В партийных организациях зачитывались закрытые письма ЦК КПСС. Затем в печати стали появляться письма Центрального комитета КПСС Центральному комитету КПК. Так, из письма, опубликованного 3 апреля 1963 г., стало ясно, что оно является ответом на посланное китайцами 9 марта приглашение Хрущеву посетить Пекин на пути в Камбоджу. Поблагодарив за это приглашение, Москва выразила сожаление по поводу невозможности такого визита в связи с тем, что еще 12 февраля было решено поручить поездку в Камбоджу Брежневу. Зато повторялись приглашение от 12 мая 1962 г. приехать в СССР Мао и предложение от 22 марта 1962 г. прекратить ненужные публичные споры. Соглашаясь с необходимостью обсудить несовпадающие взгляды на положение в мире, советская сторона в то же время отказывалась рассматривать свои отношения с албанцами и югославами{1425}.

«Вечная и нерушимая дружба и сотрудничество между великими народами Советского Союза и Китая» присутствовала еще в первомайских призывах ЦК КПСС, причем в тех же словах, что и в отношении других стран народной демократии, в том числе Албании{1426}. Продолжались и торговые отношения. 20 апреля министры внешней торговли СССР и КНР подписали в Москве в присутствии Микояна протокол о товарообороте на 1963 г.

Пленум ЦК КПСС в июне 1963 г. одобрил политическую линию Президиума ЦК и

первого секретаря ЦК, а также все конкретные действия и меры, ими предпринятые. На переговорах с КПК было поручено неуклонно проводить линию XX, XXI и XXII съездов, одобренную мировым коммунистическим движением, категорически отвергая «как беспочвенные и клеветнические нападки» китайцев на эту линию{1427}.

О причинах разрыва говорилось и на последующих пленумах ЦК КПСС. Так 13 декабря 1963 г. Хрущев говорил:

– Они, китайцы, не против советской власти, не против даже партии нашей, даже ЦК, даже Президиума в целом, а только против Хрущева. Они всякий раз, как объявляется наш очередной пленум, активизируются, всякий раз новая волна нападков на Хрущева. Словно надеются в информационном сообщении прочесть, что Хрущев, мол, выведен из состава пленума, снят и т. д. Но дело же не в Хрущеве, не как во времена культа личности. Хрущев выполняет и проводит то, что партия ему поручает...

– Мне уже 70-й, но я еще, – говорил он далее, делая «некий петушиный жест» под бурные аплодисменты зала (все даже встали){1428}.

Вопрос о советско-китайских отношениях был вынесен в повестку дня и следующего пленума ЦК КПСС, состоявшегося в феврале 1964 г. Комментируя доклад Суслова и реплики Хрущева на этом пленуме, Твардовский отмечал: «Главный мотив – культ личности. Можно считать, что это третий вал (после 20 и 22). Жизнь вновь и вновь заставляет допахивать эту трудную целину»{1429}.

Хрущев стал допускать всякого рода оскорбительные высказывания в адрес китайцев и лично Мао. В частности, такие высказывания были допущены им в беседе с одним американским сенатором, который по возвращении домой их предал гласности, и они стали известны в Пекине{1430}.

«Из всех зол, совершенных Хрущевым за “великое десятилетие его правления”, разрыв с Китаем был, пожалуй, наибольшим злом», – утверждал бывший хрущевский любимчик Д.Т. Шепилов{1431}.

Однако вопреки этому мнению, 46% советских граждан были тогда согласны с официальными утверждениями, что вина за этот разрыв лежит на китайском руководстве.

«Китай имел слишком большие амбиции», – считала Л.Л. Тулупова, технический контролер Казанского авиационного завода{1432}. «Мао претендовал после смерти Сталина на руководство коммунистическим движением, что для наших было неприемлемо», – полагал М.М. Гурен, инженер комбината «Тулауголь» в Новомосковске{1433}. «Мао плохо себя вел», – согласна была колхозная доярка Р.А. Сиу-хина из села Дмитрове в Новокузнецком районе Кемеровской области{1434}. Считал, что «косоглазые нас обманули, взяв деньги», инструктор по туризму из Киева Л.К. Самборский{1435}.

«Ведь это они отошли от линии Советского Союза», – полагала нормировщица 22-й дистанции пути на станции Чаплыгин в Липецкой области А.А. Орлова. Сталинистами, а потому и виновниками раскола, считала китайцев сотрудница Библиотеки иностранной литературы Э.Д. Абазадзе. «Мао не хотел отказаться от культа личности», – говорил художник-оформитель одного из московских НИИ М.Г. Данилов. «Конечно, ведь Китаю нужно жизненное пространство», – была убеждена доярка М.С. Прилепо из деревни Струменка в Суражском районе Брянской области. «Они готовы были сесть нам на голову, – считала диспетчер завода № 11 в Краснозаводске Е.И. Коклюшкина. Слесарь этого же завода М.Ф. Шилков, лично участвовавший в обкатке новых станков для китайского ВПК, сетовал: «Мы им новые, а у самих старые!». «Самураи, нехорошие люди», – так считала колхозный бухгалтер Ф.П. Атошкина из Белой Калитвы в Ростовской области{1436}.

Верили в то, что «мы всегда правы», – вспоминала работница Клинского завода термометров Л.В. Дьяченко{1437}. «Любые нападки на родину воспринимались очень болезненно», – вспоминал работник ФИАНа коммунист Л.А. Ипатов{1438}. «Гады-китайцы! – возмущалась рабочая станции Черкизово Московской Окружной железной дороги А.С. Белякова. – Мы их воспитывали, добра им желали, а они отплатили нам черной неблагодарностью»{1439}.

Доярка А.Ф. Тихонова из деревни Шевелево в Дорогобужском районе Смоленской области верила в вину китайцев потому, что так «говорили мужчины наши». «Как всегда

говорил да» инженер В.В. Карпецкий из Фрязино. «Все мы доверяли нашему правительству», – считала необходимым отметить колхозный бухгалтер З. А. Яненко из смоленской деревни Ключики. «Тогда не допускали и мысли, что наше руководство не право», – пояснял агроном В.И. Нефедов из колхоза «Рассвет» в Воскресенском районе. «Как наверху думали, так и мы, – рассказывал слесарь Н.А. Бондарук из совхоза “Хмельницкий”. – Войны только боялись: китайцев-то вон сколько!» Верила пропаганде («было немного страшно») рабочая Звениговской районной типографии в Марийской АССР Ф.И. Артемьева{1440}. Верил газетам А.В. Соколов, инженер СоюздорНИИ проекта{1441}.

Не согласны с объяснениями советского руководства были соответственно 16,5 и 23% опрошенных. Из них от 5 до 7,5% полагали, что вина обоюдная, а от 7,5 до 9,5% – что вина целиком наша.

«Китайцы защищают Сталина, могли бы с ними по этому вопросу не спорить», – думал, выслушав закрытое письмо ЦК КПСС, И.С. Шитиков, главный зоотехник совхоза «Зендиково» в Каширском районе, между прочим антисталинист{1442}. «Мы не столько им помогали, сколько мешали, поставляя устаревшую технику», – таким сведениями от шофера китайского посольства располагал техник станции Черкизово Московской Окружной железной дороги М.И. Беляков{1443}.

«Не нужно им мешать, раз они считают необходимым строить социализм своим особым путем», – думал А.М. Семенов, секретарь Коробовского райкома партии (в Белоруссии) по сельскому хозяйству{1444}. «Наше правительство хотело подчинить себе Китай», – была уверена Н.А. Блохина, секретарь-машинистка из комбината МВД в Подольске-20{1445}. «Говорили, что Хрущев очень много от Мао Цзэдуна требовал», – вспоминала П.И. Кондратьева, работавшая тогда учительницей в Новгородской области{1446}.

«Опять-таки – прокол нашей дипломатии и еще больше – неумелость партийных верхов», – безапелляционно судил корреспондент газеты «Люберецкий рабочий» Е.Н. Фильков. «Хрущев – человек импульсивный, не контролирует свое поведение, и от него можно чего угодно ожидать», – говорил офицер инженерно-авиационной службы Северного флота А.Т. Щепкин. В «стремлении полуграмотного Хрущева порулить образованнейшим Мао» видел источник конфликта инженер Корневского завода строительных материалов в Подмоскowie И.И. Назаров. «Китайцы уважали Сталина, а его выкинули из мавзолея», – указывала продавщица из города Реутово Е.П. Ширяева. Во всем винила Хрущева библиотекарь А.М. Вавилова из поселка Советский под Астраханью: «Они нас отвергли из-за того, что имя Сталина им было поперно». «Мы просто их не понимали в некоторых вопросах», – считал учитель из города Реутово М.М. Панкратов{1447}.

Трудно было разобраться для соответственно 6,5 и 3% опрошенных.

«Правды и об этом нам не сказали», – говорила учительница В.С. Безбородова из Константиновской школы в Загорском районе{1448}. «Да этой правды в политике и нет», – добавлял ее муж, рабочий деревообрабатывающего завода{1449}. «Опять чего-то не поделили, а что – в газетах не писали», – рассказывала инженер Московского нефтеперерабатывающего завода А.С. Шурова{1450}.

Затруднились с ответом, не знают, что сказать 7 и 7% опрошенных.

Не интересовало, не затронуло, были не в курсе дела соответственно 9 и 4% опрошенных.

«Просто приняли к сведению, вот и все, – говорила воспитательница детского сада С.И. Алексеева из Немчиновки, – а кто виноват, потом рассудят, лет через 50». Не вникала учительница Власовской школы в Раменском районе А.Ф. Алифанова. «В политику не лезли» колхозный шофер К.С. Лебедев из села Троицкое-Татарово в Вязниковском районе Владимирской области и работница курсов повышения руководящих кадров Министерства культуры А.Т. Булычева. Не касалось это С.Ф. Зубковой, жившей в Фирсановке на иждивении мужа-инвалида. «Не анализировала» инженер Северной водонапорной станции К.М. Воложанцева{1451}.

Не слышало, не знало об этом соответственно 6,5 и 1,5% опрошенных. Не помнят 6,5-8% опрошенных. Ответа нет или он не поддается однозначному толкованию у соответственно 14 и 7% опрошенных. Некоторые респонденты явно путают острую советско-китайскую полемику начала 60-х годов с боями на острове Даманский в 1969 г.{1452}